

МОРФОЛОГИЯ ПРИФРОНТОВОГО ГОРОДА: ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, (ПЕРЕ)ДВИЖЕНИЕ, ШУМ

Мария Александровна Подлесная

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия

yamap@yandex.ru,

ORCID 0000-0002-2159-4958

Для цитирования: Подлесная М. А. Морфология прифронтового города: пространство, время (пере)движение, шум // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 3. С. 155–177. DOI 10.19181/snsp.2026.14.3.8. EDN OSEMHH.

Аннотация. Исследование автора посвящено анализу морфологии прифронтового города не как суммы разрушений и ограничений, а как динамической системы, в которой пространственные, временные и акустические факторы находятся в отношениях взаимной конституции. На материале полевого включённого наблюдения, с элементами этнографического подхода, проведённого в Северодонецке (октябрь 2025 г.), в статье разрабатывается методологическая концепция «режима присутствия». Методика содержит включённое наблюдение, ведение полевого дневника, фото- и видеодокументирование, неформализованные интервью с жителями и волонтёрами (n = 21), акустический мониторинг. Теоретическая рамка выстраивается на пересечении социальной морфологии (М. Хальбвакс, Э. Дюркгейм), концепции производства пространства (А. Лефевр) и «нового военного урбанизма» (С. Грэм). Режим присутствия отличается от фукольдianской гетеротопии (М. Фуко) своей динамичностью, множественностью источников ограничений (военная комендатура, топография разрушений, акустическое поле угроз) и отсутствием единого центра власти. Он соотносится с де-серторовским (М. де Серто) различием стратегий и тактик, конкретизирует концепцию акустических территорий Б. Лабелля и открывает возможности для сравнительного анализа других кризисных пространств (зон ЧС, карантинных территорий и т. д.). В рамках режима присутствия жители вырабатывают механизм комплексной адаптации через четыре взаимосвязанных способа (пространственный, временной, акустический, социально-сетевой). Эти способы рассматриваются как пассивные тактики выживания. На их основе автором статьи сформулированы практические рекомендации для организаций, работающих с населением прифронтовых городов, нацеленные на постепенный переход к активным формам адаптации (обучение акустической разведке, создание совместных карт безопасных маршрутов, разработка локальных систем оповещения).

Ключевые слова: прифронтовой город, Северодонецк, социальная морфология, режим присутствия, военный конфликт, городское пространство, временные режимы, акустическое поле, адаптация населения, этнографический метод, гетеротопия, качество жизни прифронтовых территорий

Введение

Вопрос о том, что происходит с городом, когда фронт проходит в нескольких десятках километров от него, остаётся одним из наименее изученных в отечественной социологии. Если макросоциологические подходы описывают демографические потоки, экономические потери и институциональные разрывы, то микроуровень повседневной жизни – то, как жители ориентируются в пространстве без карт и связи, как воспринимают время под звук артиллерии, как говорят и о чём молчат, – остаётся за рамками систематического анализа. Предлагаемая коллегам статья представляет попытку восполнить эту лауну, обратившись к понятию социальной морфологии прифронтового города, применив его к нынешней повседневности в городе Северодонецке.

Актуальность темы определяется не только конкретным военным конфликтом, но ещё и тем, что с учётом развития беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и управляемых ракет дальнего действия статус прифронтового города в современной войне принципиально трансформировался. Во-первых, боевые действия всё глубже смещаются в тыл. Во-вторых, стратегически значимый город, даже при отдалении линии боевого соприкосновения, может длительно оставаться мишенью, то есть пребывать в положении «осаждаемого» не временно, а на протяжении всего конфликта. Это делает относительным само понятие «тыл» [1, с. 29–30] и превращает изучение морфологии прифронтового города в задачу общесоциологической значимости, так как в ситуации современной войны любой город может стать прифронтовым.

Теоретическая база исследования

Морфология в социологии – это прежде всего изучение структуры социальных явлений и устойчивых элементов социальной системы. Термин заимствован из биологии (через работу «Метаморфозы растений» И. В. Гёте), где морфологией принято называть учение о форме организмов и закономерностях их строения. В рамках социологического анализа (прежде всего, с подачи Э. Дюркгейма) морфология направлена на исследование формальных аспектов общественных структур – институтов, социальных групп, норм поведения, культурных моделей [2, с. 420–421]. Применение её инструментария позволяет выявить базовые элементы социального устройства, их взаимосвязи и взаимодействия. Не последнюю роль в сохранении инерции социальной морфологии играет коллективная (социальная) память, которая действует как рамка, ограничивающая и структурирующая поток социальных воспоминаний [3].

В качестве наиболее характерных морфологических фактов, по М. Хальб-ваксу, как правило, учитывают демографические показатели, инфраструктуру города, способы коммуникации, социальное расслоение. В данной работе автор намерен определить социальные константы, наиболее типичные для прифронтового города, те характеристики, которые позволяют отличать прифронтовой

город от любого другого. При этом критичные изменения, характерные для кризисной среды, порождают морфологические сдвиги всех социальных групп, что сказывается на преобразовании их места и роли в социальной структуре (см.: [4, с. 123–130]).

Сложность пространственного измерения человеческой жизни обусловлена не только объектом изучения, но и той генеалогией подходов, которая сложилась на пересечении антропологии, социальной географии, этнографии и археологии. К настоящему времени исследователи оперируют тремя ключевыми понятиями – *пространство, место, ландшафт*. Пространство, в отличие от места, имеет прежде всего социальный характер, поскольку производится человеческими телами и группами, историческими и политическими силами. Место – аналог пространства – наделяется личными и групповыми смыслами, эмоциями, чувственными интерпретациями и потому имеет в большей степени интерсубъективный характер, соотносимый с идентичностью [5, с. 117]. Ландшафт определяется как вводная точка для понимания человеческого опыта бытия-в-мире [5, с. 113], как система упорядочивания и означивания. В своей работе автор задействует все три понятия, считая целесообразным идти от общего, бытийного – ландшафт – к социологическим, конкретным – пространство, место.

Важным теоретическим источником для исследования представляют идеи А. Ф. Филиппова о пространстве и времени в социологии. Филиппов различает телесный аспект пространственного взаимодействия, то есть перемещение тела и связанные с ним отношения власти, и смысловой аспект, характерный для временной ориентации [6, с. 150]. Схема пространства и схема времени могут при изучении налагаться друг на друга: тело меняется во времени, а смысл имеет своё выражение в материальных носителях [6, с. 151].

Эта рамка продуктивна для описываемого исследования, однако полевой материал обнажает её предел, который проявлен в том, что А. Ф. Филиппов описывает тело, которое перемещается в пространстве как субъект взаимодействия и движения. Прифронтовой же город обнаруживает и обратную конфигурацию, где наблюдается тело, которое вынуждено не перемещаться, удерживаемое на месте акустической угрозой и темпоральным запретом. Там, где А. Ф. Филиппов предполагает движение как условие пространственного освоения, прифронтовой город порождает иммобилизацию как один из основных режимов телесного существования.

Именно здесь необходимо привлечь работы Мишеля де Серто, различавшего *стратегии*, то есть действия тех, кто обладает собственным местом и контролирует пространство, и *тактики* как действия тех, кто вынужден выживать в чужом пространстве, не владея им [7, р. xix]. Жители прифронтового города являются в этом смысле чистыми тактиками, они не управляют пространством, но искусно используют его промежутки (паузы между обстрелами, временные щели между патрулями, акустические «тихие» окна). Сочетание филипповской телесности с де-серторовской тактикой позволяет описать специфику адаптации в прифронтовом городе точнее, чем каждый из этих подходов

в отдельности. А. Ф. Филиппов даёт язык для анализа тела в пространстве-времени, М. де Серто – язык для анализа тактик выживания в пространстве, которое телу не принадлежит.

Приступая к изучению, автор рассматривал морфологию прифронтового города через одновременное включение пространственных и временных измерений, не концентрируясь исключительно на телесном или смысловом аспекте, а наблюдая явления прифронтового города в тесной пространственно-временной связке.

Британский исследователь Стивен Грэм фиксирует «новый военный урбанизм», где город превращается в постоянное поле боя с невидимыми врагами, требующими тотального контроля и слежки [8, р. 23]. В отличие от колониальных войн, современные конфликты проникают в повседневность и лабиринтные структуры мегаполисов и становятся ареной контрповстанческих операций [8, р. 187]. Именно в этой логике автору видится лакуна, а именно – отсутствие анализа российских прифронтовых городов в условиях специальной военной операции (СВО).

Акустическое измерение повседневной жизни изучается в рамках самостоятельного междисциплинарного направления акустических исследований (sound studies). Американский культуролог Б. Лабелль в работе «Акустические территории» показывает, что звук не просто сопровождает пространство но активно конституирует его, и через слуховой опыт формируются территориальность, идентичность и социальные границы [9]. Именно этот тезис о звуке как производителе пространства, а не его фоне, является для автора статьи теоретической основой анализа акустического поля Северодонецка. В связи с этим стоит вспомнить работу Дж. М. Дотри «Слушая войну», посвящённую звуковому опыту войны в Ираке¹, в которой показано, что военные звуки (выстрелы, взрывы, гул беспилотников² и др.) образуют специфическую «акустическую экологию выживания», в которой слух становится главным инструментом навигации и оценки угрозы [10, р. 4–7]. Это наблюдение прямо применимо к Северодонецку, где жители систематически используют звук для оценки безопасности маршрута и принятия решений о передвижении. Звуковое созерцание в мирном городском контексте, например – роль колоколов в городском и сельском пространстве, рассматривает С. Румянцев [11], однако акустика прифронтового города образует принципиально иной тип звуковой культуры, остающийся за рамками отечественной исследовательской традиции.

М. Фуко предложил понятие гетеротопии, то есть «иного места», выпадающего из нормативного пространственного порядка [12]. Прифронтовой город

¹ В своей работе Дотри указывает 2003–2011 гг., делая отсчёт от вхождения иностранных войск в марте 2003 г. и до вывода последних военных подразделений. Более того, он весь этот период называет не войной, а длительной военной оккупацией с сопротивлением.

² Интересно, что беспилотники уже воевали и Дотри описывает, как они влияли на акустическое поле. То есть война дронов прошла обкатку не на Украине, как принято думать, а уже в Ираке начала 2000-х.

представляет собой крайний случай такой среды, когда это не просто «другое пространство», а такое пространство, в котором тело постоянно пересчитывает своё положение относительно нескольких меняющихся координат одновременно. В настоящей статье предлагается уточнить это понятие, описав прифронтовой город как *гетеротопию выживания*, включив в него фрагментарно структурированную, нестабильную, рискогенную среду, в которой пространственные, временные и акустические ограничения взаимно конституируют друг друга, порождая специфические адаптационные модели.

Методы и позиция исследователя

Методика авторского исследования качественная, с элементами этнографического подхода, с выездом и проживанием в прифронтовом городе в октябре 2025 г. Этнографический метод позволяет зафиксировать «военную морфологию» [8, р. 45], где пространство, время и акустика структурируют выживание, то есть то, что недоступно макроанализу.

Конкретные методы: включённое наблюдение (полевой дневник, 40 страниц); фото- и видеодокументация (около 120 снимков, кодирование по темам: «пространство», «время», «шум»); неформальные интервью (n = 21) с жителями, волонтёрами, кураторами добровольческих направлений и смен; акустический мониторинг (ежедневная фиксация звуковых событий в течение 14 дней).

Выборка формировалась методом снежного кома, в качестве основных информантов выступали координаторы волонтёрского направления и смен, сами волонтёры с продолжительным опытом помощи в прифронтовых городах и так называемые «подопечные» – местные жители, которым оказывается помощь волонтёрскими организациями. Анализ данных производился на основе тематического кодирования. В тексте статьи представлены фотоматериалы исследования и выдержки из полевого дневника.

Данное исследование предполагало нахождение исследователя непосредственно в прифронтовом городе на протяжении нескольких недель, что неизбежно породило специфические эпистемологические и этические условия работы. С одной стороны, включённость обеспечивает доступ к «проживаемому опыту», недостижимому дистанционными методами. Например, телесное ощущение звука артиллерии, навигация в пространстве без связи, участие в неформальных беседах – всё это становится аналитическим ресурсом. С другой стороны, эта же погруженность создаёт риск «уйти» в эмпатию с одной из групп, утратив аналитическую дистанцию. Осознавая это, автор статьи намеренно фиксировала в дневнике собственные реакции и интерпретации наравне с наблюдаемыми фактами, рассматривая их как материал для рефлексии, а не как объективные данные.

Ключевая этическая дилемма состояла в анонимности информантов в условиях, когда их высказывания касались политически чувствительных тем (идеологическое разделение, отношение к СВО). Имена не указываются,

социально-демографические характеристики обобщены до минимума, необходимого для аналитики. Часть наблюдений, способных идентифицировать конкретных лиц, намеренно опущена или изменена. Исследование не ставит целью политическую оценку происходящего, оно направлено на фиксацию исключительно социологических закономерностей в экстремальных условиях.

Научная проблема, цель и задачи

Научная проблема авторского исследования заключается в необходимости выявления социальной морфологии прифронтового города как динамической системы взаимодействия трёх базовых измерений – пространства (лабиринтная структура улиц, места укрытия), времени (комендантский час как механизм контроля и мифологизации) и акустического поля (шум боевых действий как инструмент власти). В отличие от традиционных исследований военных конфликтов, фокусирующихся на макроуровне, данная работа анализирует микрологию повседневной жизни в условиях СВО как форму гетеротопии. Рабочая гипотеза исследования формулируется следующим образом: социальная морфология прифронтового города представляет собой адаптивную систему, в которой идеологическое разделение и временные режимы взаимосвязаны через акустическое воздействие, создавая уникальные практики выживания. Цель изучения состоит в эмпирическом выявлении морфологии прифронтового города на примере Северодонецка для разработки мер социальной поддержки и восстановления. Сопутствующие этому задачи: зафиксировать пространственные трансформации (лабиринтность, места памяти, процесс криминализации); проанализировать временные режимы (комендантский час, мифологизация ночи); изучить акустическое воздействие и его психосоциальные последствия; выявить модели адаптации населения как интегрированный ответ на системное давление всех трёх измерений.

Результаты

История Северодонецка и его социальный контекст. Северодонецк расположен на западе Луганской Народной Республики (ЛНР), на границе исторических регионов Донбасса и Слобожанщины. Современный Северодонецк основан в 1934 году как посёлок Лисхимстрой при строительстве Лисичанского азотно-тукового химкомбината («Северодонецкое объединение «Азот»»). В 1958 году получил статус города и стал крупным индустриальным и культурным центром Донбасса. По данным переписи 2001 года, население составляло около 120 тыс. человек (59% – украинцы, 39% – русские, из всего населения около 70% – русскоязычные). В феврале 2022 г. была объявлена эвакуация, и численность населения резко сократилась примерно до 8 тыс. человек. С середины 2022 года наблюдается обратный процесс – возвращение жителей: например, к 2024 году население выросло примерно до 40 тыс. человек, к 2025

году оценки варьируются от 99 до 130 тыс. человек. Эта демографическая динамика сама по себе морфологически значима, так как город переживает не восстановление в прежнем виде, а создание нового социального состава на руинах прежнего.

В 2014 году Северодонецк стал новым административным центром Луганской области Украины и оставался им с 22 сентября 2014 г. по 25 июня 2022 г. Этот факт определил специфическое идеологическое положение города: в отличие от других территорий ЛНР, Северодонецк долгое время оставался украинской территорией, что породило идеологическое разделение населения, сохраняющееся до сих пор.

Три измерения одного режима. Прежде чем перейти к анализу каждого из трёх измерений – пространства, времени и звука – необходимо обозначить принцип, который их объединяет. Ни одно из них не существует в прифронтовом городе автономно. Разрушенное пространство меняет темпоральный ритм: например, маршрут, который вчера занимал десять минут, сегодня занимает сорок, и это не просто потеря времени, это изменение самого ощущения города как обозримого и управляемого. Комендантский час, в свою очередь, не просто запрещает выходить после 21:00, но и превращает ночной звук артиллерии в акустически незащищённый опыт – стены квартиры лишь частично дают укрытие, тогда как движение по улице под обстрелом невозможно. Наконец, шум не только пугает, но и картографирует, так по интенсивности и направлению звука жители определяют, какие улицы сегодня безопасны, а какие нет. Это соответствует концепции Б. Лабелля об «акустических территориях», где звук конституирует территориальность, задавая невидимые границы доступного и недоступного. В прифронтовом городе шум буквально производит пространство, и не только в левефьевском смысле социального конструирования, но и в де-серторовском, когда звук определяет, где возможна тактика выживания и где она невозможна. Таким образом, пространство, время и акустическое поле образуют в прифронтовом городе единый режим присутствия, такую систему взаимных ограничений, через которую проходит каждое тело каждый день, каждую ночь.

Именно тело жителя является той точкой, где все три измерения сходятся в единый жизненный опыт. Добавляя акустическое измерение к пространственному и временному и опираясь на филипповское наблюдение о телесном аспекте пространственного взаимодействия [6, с. 150], получаем, что тело в прифронтовом городе одновременно движется в лабиринте (пространство), подчиняется расписанию страха (время) и «слышит» власть (шум). При этом, в отличие от мирной повседневности, тактики М. де Серто здесь не предполагают возможности стать стратегией, так как жители действуют исключительно в режиме реагирования, не приобретая однозначно устойчивого контроля над ситуацией.

Пространство прифронтового города

Военный ландшафт: от степи до лабиринта. В своей работе «Военный ландшафт» Курт Левин, основываясь на опыте службы в пехотной артиллерии, акцентирует внимание на том, как меняется восприятие пространства при переходе от мирных территорий через пограничные зоны к фронтовым позициям [13]. Он подчёркивает принципиальное различие между «круглым» мирным ландшафтом, который не имеет чётких границ («переда и зада»), и военным ландшафтом, для которого характерна предельность пространства. Он пишет: «за линией фронта местность каким-то образом заканчивается, ландшафт оказывается ограниченным» [13, с. 88]. Эта пространственная ограниченность возникает задолго до непосредственных боевых позиций. В итоге «местность предстаёт перед нами как имеющая «впереди» конец, за которым следует «ничто»» [13, с. 88].

При приближении к Северодонецку наблюдается сходное ощущение пограничной местности. Примерно за 80 км до города открывается картина южных степей с холмистым ландшафтом, внутри которого тёмные окна выбеленных домов и пустые улицы скрывают иное, эвакуированное и отчуждённое пространство. Это пространство, несмотря на отсутствие видимых разрушений, уже воспринимается как концентрированно замкнутое – с элементами неочевидного военного присутствия. Лефевровское «пространство всегда обладает значением» [14, с. 159] справедливо и тогда, когда оно обезлюдено в силу отчуждения территорий от людей.

Дальнейшее приближение к военным зонам сопровождается переходом к территории с явными признаками разрушений – выжженные леса, взорванные укрытия, разрушенные дома, застывшие в моменте насилия (рис. 1). Эта территория несёт иную смысловую нагрузку, а именно – отражение военной травмы и разрыва с мирным прошлым.

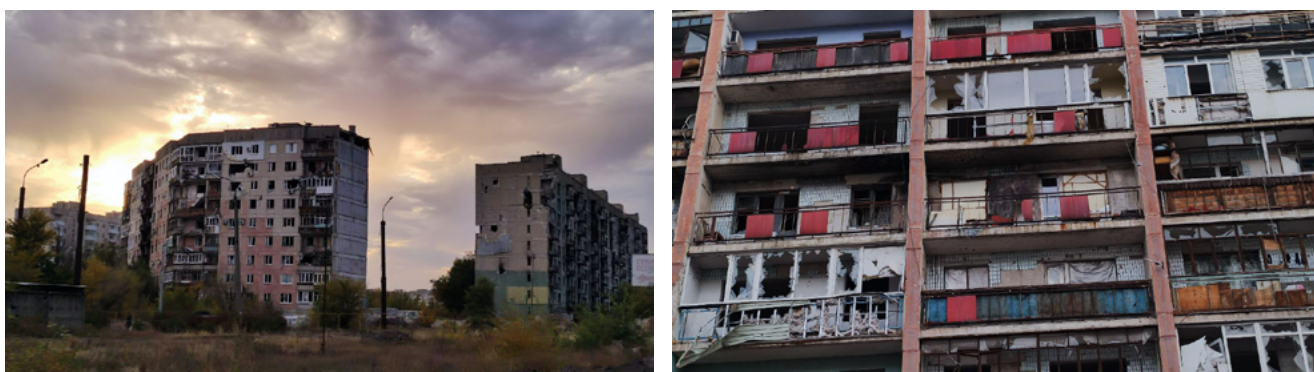

Рис. 1. Территории с признаками разрушения при въезде в прифронтовой Северодонецк, 2025 г.

Лабиринт и навигация без карты. Несмотря на внешнюю хаотичность и неопределённость при въезде в Северодонецк, жизнь в прифронтовом городе сохраняется и принимает причудливые формы. Дороги города разрушены, но частично восстанавливаются. Отсутствие привычных правил дорожного

движения и постоянное изменение маршрутов из-за строительной техники и военных событий формируют уникальную дорожную культуру с минимальными или отсутствующими ограничениями. Полномасштабное отсутствие интернета и мобильной связи усиливает значимость бумажных карт и локальной навигации со странной мобильностью – когда «мобильность превращается в свою противоположность» [6, с. 206]. При этом если в первые дни пребывания в прифронтовом городе машин на улицах было совсем немного, то в последнее – движение стало настолько заметным, что кое-где приходилось стоять в «пробке». Это было настолько необычно для уже привычно пустых дорог, что обращало на себя внимание: город оживает, в него возвращается мирная жизнь.

При этом пространство прифронтового города во все дни нашего пребывания в нём казалось неорганизованным вовсе, перестраивалось ежедневно и даже почасово, создавая ощущение лабиринта. Но одновременно в городе сохранялись отдельные узнаваемые места и объекты, отсылающие к первоначальной организации городского пространства, например – к его прошлому, которое теперь, после разрушений, было фрагментарным и неполным. Эта двойственность точно зафиксирована в одном интервью: *«Лабиринт полный. Была прямая дорога – теперь три круга через дворы. Карты не помогают. Хорошо, что нет камер, всё время нарушаю»* (муж., 32 г., волонтер, ИТ-специалист). В этой краткой реплике спрессованы несколько ключевых характеристик прифронтового пространства: во-первых, его непредсказуемость («три круга через дворы»), во-вторых, информационная слепота («карты не помогают») и, в-третьих, что парадоксально, освобождение от нормативного контроля («хорошо, что нет камер»). Лефевровское «производство пространства» здесь работает как будто в обратном направлении: пространство не производится планомерно, а перепроизводится хаотично, ежедневно обнуляя накопленные навигационные схемы. Если М. де Серто описывает тактику как «искусство делать» в чужом пространстве, то навигация без карты в прифронтовом городе есть тактика в чистом виде, где нарушение дорожных правил из девиации превращается в норму выживания, «мирная» нормативность подвешивается, а на её место приходит ситуативная рациональность.

Тело под контролем: от ремня безопасности до комендатуры. Особенно примечательно, что в прифронтовом городе соблюдение правил дорожного движения, принятых в мирное время, порой несло серьёзную опасность. Пристёгнутый ремень безопасности становился угрозой, и негласным правилом было несоблюдение этого правила, чтобы в случае удара БПЛА водитель и пассажиры могли вовремя покинуть машину. Таким образом, наряду с минимальным набором традиционных дорожных правил появлялись новые, характерные исключительно для специфики прифронтового пространства. Здесь уже просматривается системная природа трёх измерений: это решение – пространственное по форме – диктуется акустически (необходимость слышать звук БПЛА) и требует темпоральной мгновенности реакции. К этому вернёмся подробнее в разделе о системном анализе.

Пространство прифронтового города изменялось ежедневно не только из-за работы строительной техники, но и вследствие обстрелов и повреждений инфраструктуры. При движении по привычному маршруту приходилось искать объезд: например, если участок дороги был засыпан осколками или обрушениями. Эти обстоятельства формировали восприятие городской жизни как опасной, находящейся под постоянным наблюдением и контролем со стороны противника. Здесь возникает отсылка к концепции пространственной гегемональности [12], однако в данном случае речь идёт не об архитектуре как политической технологии, а о военных технологиях, направленных на формирование уязвимого тела в условиях боевых действий в городской среде.

Характерной чертой передвижения было то, что въезд и выезд регулировались особыми распоряжениями, часто требующими подтверждения военной комендатуры в виде списков въезжающих и выезжающих лиц. Если внутри города дорожные правила практически не соблюдались, то выход за его пределы сопровождался множеством согласований и дополнительных правил. Чем ближе были фронтовые позиции, тем сильнее ощущались напряжение и контроль, включая возможность наблюдения и прострела дорог с воздуха, со стороны так называемой «вертикальной топологической структуры», тем самым усиливая значение трёхмерности данного пространства [15]. Симптоматично, что жители зачастую предпочитали не распространяться о «ситуациях на дорогах», соблюдая молчание. Это являлось ещё одним из негласных правил: в прифронтовом городе на определённые темы накладывалось табу и считалось неэтичным обсуждать вражеские налёты в повседневной, свободной манере.

Связь как структурирующий ресурс. Одной из особенностей Северодонецка и прилегающих поселений было ограничение доступа к мобильной связи и интернету, доступных лишь в отдельных местах. В городе наблюдалась характерная картина: местные жители, находясь вблизи учреждений с Wi-Fi и зная пароль, активно ловили сеть для общения с родственниками. Ограничения связи диктовали свои правила, например, выезжая по делам, люди тщательно проверяли, имеют ли при себе всю необходимую информацию, которой обеспечивали себя заранее, а перед поездкой всё многократно перепроверяли, так как повторно связаться или уточнить что-либо было зачастую невозможно. Привычной становилась картина человека без телефона в руке, противоположная той, что характерна для территорий, удалённых от фронта. При этом ограничение связи не сказывалось на активности горожан, жизнь шла и люди были повсюду – на улицах, в магазинах, аптеках.

Ситуация могла измениться в течение пары дней, например: «ещё вчера автобусы не ходили, и на остановках не было людей». Это «вчера» – не просто временная отметка, оно обнажает специфическое качество прифронтового времени, в котором каждый день обнуляет предыдущий.

Особенности городской среды: контраст, символика, криминализация. Особенность городской среды прифронтового пространства заключалась в её контрасте. С одной стороны, можно наблюдать отремонтированные и яркие

фасады зданий, с другой – тёмные, уродливые разрушения. Пространство словно делилось на две части, одна из которых отсылала в будущее, другая удерживала в настоящем – всё ещё связанном с войной и недавними ужасами активных боевых действий.

О близости войны свидетельствовали также новые «места памяти» [16], стихийно возникшие, не оформленные официально захоронения. Они появлялись в отдельных дворах и вблизи некоторых храмов (рис. 2). Их отличительной особенностью было то, что вместо традиционных венков использовалась оборонительная сетка, а место креста занимали личные вещи погибших – военная перчатка, искорёженный автомат.

Рис. 2. Стихийно возникшие, новые «места памяти» в прифронтовом Северодонецке, 2025 г.

Особого разбора заслуживает феномен взаимодействия «человек – животное». Улицы прифронтового города трудно представить без собак, сбившихся в стаи и привыкших за время отсутствия человека к собственным способам выживания – эмпирически наблюдаемая «голая жизнь» [17]. Возвращение граждан с питомцами, прогулки хозяев с собаками во дворах, подкармливание бродячих животных – всё это символизирует ещё одно восстановление порядка и включение людей в привычное городское социальное пространство.

Отметим, что социальное пространство прифронтового города характеризуется также высокой степенью криминализации. Отдельного внимания заслуживает группа преимущественно пожилых женщин – собственниц городского жилья, фактически лишённых доступа в принадлежащие им помещения (в квартирах были заменены двери и замки, а в жилищно-эксплуатационной организации отказались предоставить ключи либо подтвердить право на вход). Поэтому в прифронтовом городе активно действуют частные юридические службы, юристы которых специализируются на помощи людям, оказавшимся фактически бездомными. В одном из таких эпизодов пришлось участвовать автору статьи, оказывая в качестве волонтера помощь «подопечной», чья история возвращения в родной город была связана с необходимостью восстанавливать право на потерянное жильё. Консультации, длительное общение с пострадавшей, беседы с юристами, оформление документов показали, что это не единичный случай и он является частью процесса криминализации среды,

где наблюдается правовая неопределённость, так называемое «исключение», как сказал бы итальянский философ Дж. Агамбен, посредством чего описывает именно такие ситуации, когда привычный правовой порядок оказывается приостановлен, а неопределённость закреплена.

Если говорить о пространстве как о метафоре или идее, то Северодонецк довольно слабо маркирован как город, связанный с Россией. По архитектуре, застройке, культурным маркерам – это детище СССР, в нём нет ничего из украинского этапа города, но и российское нынешнее присутствие пока слабо отражено. На уровне символов можно заметить редко встречаемый российский триколор, стелу при въезде в город, окрашенную в бело-сине-красный цвета, и отдельные муралы в промзоне с призывами: «Пожалуйста, спасите наш город от нацистов» (рис. 3). Пространство в данном случае понимается не просто как территория, но и как политическая сила [18, с. 81].

Рис. 3. Культурные маркеры пространства как идеи в прифронтовом Северодонецке, 2025 г.

Описанные пространственные трансформации – лабиринтообразность маршрутов, исчезновение знакомых ориентиров, контраст между восстановленными фасадами и разрушенными дворами – невозможно отделить от специфической темпоральности прифронтового города. Пространство здесь не просто изменено, но изменяется непрерывно, и эта непрерывность сама становится временным переживанием. Это «вчера» («ещё вчера автобусы не ходили») указывает на особое качество прифронтового времени, в котором, как уже отмечалось, каждый новый день обнуляет предыдущий. Механизмы этого обнуления, его институциональное оформление и переживание жителями – предмет анализа следующего раздела.

Время прифронтового города

Комендантский час как инструмент контроля и мифологизации. Время в прифронтовом городе обладает преимущественно не физической, а культурной и смысловой природой. Фактически оно проявляется через режим дня и комендантский час, который накладывает ограничение на передвижение в городе после 21:00. Этот временной режим дисциплинирует жителей,

регулирует их повседневные дела и встречи, а также формирует особый мифологический пласт. Существуют устоявшиеся мифы, основанные на формальных правилах комендантского часа и их преувеличениях, которые служат средством психологической защиты и социального контроля. Город начинает восприниматься как пространство темноты и опасности: *«В комендантский час лучше не выходить, можно на 14 дней попасть под арест. Но боишься, конечно, не времени, а шума. Дроны ночью – хуже всего, не спишь, сердце колотится»* (жен., 45 лет, местный житель, парикмахер). *«После 21:00 город другой, время останавливается. Идёт тяжёлая техника... И не дай бог встретиться с ней на дороге, особенно если ты без документов»* (муж., 34 г., волонтёр, водитель).

Первая цитата чрезвычайно аналитически ёмка, и информантка сама проговаривает логику взаимозависимости времени и шума – «боишься не времени, а шума». Комендантский час создаёт рамку ночного страха, но содержание этого страха определяется звуком. Именно поэтому ни пространство, ни время нельзя анализировать независимо от акустического поля.

Вторая цитата обнажает темпоральное воздействие на пространство, которое после 21:00 буквально становится «другим» – оно переконфигурируется, наполняется иными агентами (тяжёлая техника) и иными правилами (документы как пропуск).

Темпоральная неопределённость и изоляция. Важную роль в восприятии времени играет шум. Особенно характерна периодичность работы артиллерийских орудий – вспышка, четырёхсекундный отсчёт и звук взрыва, – что позволяет местным жителям подготовиться и не поддаваться панике. Несмотря на постоянное воздействие боевых действий, многие жители проявляют выдержку и вырабатывают механизмы адаптации, хотя полного привыкания к обстрелам не происходит.

Субъективное восприятие времени связано также с ощущением удалённости города от «большой земли», что порождает ощущение оторванности и изоляции. Это проявляется в лексическом пространстве через само выражение «с большой земли» – оно характеризует северодонецкий опыт как остаток, обрывок прежнего континуума, как пространство, которое сохранило связь с прошлым, но утратило устойчивую привязку к будущему и к «большому» пространству страны.

Акустическая морфология: данные мониторинга. В городе складывается своеобразная акустическая морфология (отрывок фиксации см. табл. 1). Психосоциальные последствия хронического акустического воздействия включают бессонницу (информанты 3, 7, 11, 15 – см. Приложение со списком и характеристиками информантов), гипервозбудимость: например, часть опрошенных острее реагируют на дроны, чем на артиллерию, а также патологизацию восприятия, при которой шум усиливает паранойю (*«Каждый звук для меня – угроза»*, жен., 54 г., местный житель, безработная). Установлено, что хроническое воздействие шума интенсивностью 80–120 дБ формирует паттерны посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и гиперacusии.

Таблица 1

Отрывок акустического дневника

Тип шума	Дата	Частота/сутки	Восприятие (цитаты из интервью)	Реакция жителей (n = 21)
Артиллерия	4–5.10.2025	20–40 мин, нач. около 20 или 19; время разнилось на 2–3 часа, как правило, вечер	«Закрывай окно. Началось. Чтобы не вздрагивать, считай от начала вспышки 4 раза – тогда звук удара будет не таким страшным»	Рабочий ритм, есть предсказуемость
			«Вчера начали стрелять ночью, а я одна в подъезде. Ноги нет, встать не могу. Укрыться? А куда? Так и просидела всю ночь, вздрагивая»	
ПВО, артиллерия	Не указана	В течение суток по 40 мин через каждые 4 ч.	«У деток моих начался тик. Я сначала не заметила, а потом, когда увидела, что дочка играет, а всю её дёргает, поняла, что надо уезжать. Хотя не знала, как оставить мужа, да и рожать надо было... Но этот тик поставил точку. И мы переехали в село»	Максимальный стресс
БПЛА	09.10.2025	1 ч. 40 мин. / нач. 12:10	«Встаньте под дерево. Слышите? Гудят же. Сегодня весь день кружат. Что-то будет...»	Привычно, но напряжённо
	Не указана	30 мин. / 19:25	«Еле увернулись. БПЛА врезался в дом. Мы ехали мимо, как только проехали – раздался позади взрыв, машину повело от ударной волны. Хорошо, что успели отехать, а то бы осколками посекло...»	

Акустическая морфология Северодонецка соответствует концепции С. Грэма, который фиксирует, что шум войны становится инструментом контроля, структурируя ритм жизни. В Северодонецке дроны и ПВО играют роль «невидимого врага», усиливающего паранойю, аналогично тому, что происходило в Багдаде в 2003 году [8, р. 234].

Комендантский час создаёт рамку, но содержание страха наполняется звуком. Дрон, который гудит в темноте, и артиллерия, начинающая работу приблизительно с восьми часов вечера, превращают ночные часы в акустически плотное, насыщенное угрозой время. Временной режим и акустическое поле не просто сосуществуют, а взаимно усиливают друг друга: комендантский час лишает жителя возможности переместиться в более безопасное место, а шум исключает его возможности игнорировать то, где он находится.

Шум прифронтового города

Акустика как система ориентации. Шум в прифронтовом городе – метафизическое понятие, объединяющее физические, социокультурные

и психологические аспекты, например, напряжённая тишина и вызывающая страх громкость задают противоположные, но равно значимые состояния восприятия. Главными источниками шума выступают выстрелы артиллерии, звуки летящих БПЛА и работа систем ПВО, они различаются по времени применения и по характеру звучания, формируя неоднородную акустическую среду. Способность улавливать эти звуки означает выживание, поэтому к звукам прислушиваются, учатся отличать один от другого, понимать, далеко или близко взрыв, выстрел, военный объект. Дж. М. Дотри назвал подобное состояние «акустической бдительностью» (*acoustic vigilance*), специфическим навыком, формирующимся у мирного населения в зонах активных боевых действий, когда слух берёт на себя функции зрения в условиях невидимых угроз [10]. В Северодонецке этот навык включает умение считать секунды между вспышкой и звуком взрыва («тогда звук удара будет не таким страшным»), отличать звук БПЛА от работы ПВО и оценивать удалённость источника шума по громкости и характеру звука. При этом БПЛА создаёт принципиально иную акустическую карту угрозы, нежели артиллерия: если орудийный выстрел имеет чёткую последовательность звуков (выстрел – пауза – взрыв), позволяющую выработать привычный ритм реагирования, то характерный гул беспилотника непредсказуем по траектории и финальной точке, что, как показывает полевой материал, вызывает более высокий уровень тревожности («гипервозбудимость на дроны, а не на артиллерию»). Именно в этом принципиальном различии акустических режимов и заключается специфика дронного урбанизма по сравнению с классическими формами военного городского конфликта, описанными Грэмом.

Обострение слуховой восприимчивости формирует особую внимательность, которая по-новому структурирует городское пространство, в зависимости от слышимых объектов и производимых ими шумовых эффектов. Город при этом дифференцируется на зоны по степени угрозы: сначала выделяются опасные районы, требующие избегания, затем относительно безопасные, пригодные для укрытия. Шум в такой перцептивной системе выполняет сигнальную функцию, маркируя зоны риска и тем самым предопределяя пространственное поведение. Таким образом акустическое поле буквально производит пространство – и в лефевровском смысле (пространство как социальный конструкт), и в смысле Лабелля (звук как материал, из которого сделана территориальность).

Молчание как социальная практика. Наряду с шумом в прифронтовом городе есть и молчание: заметим, не тишина, когда нет звуков, а состояние, при котором не говорят о чём-то, а это что-то замалчивают. В городе на определённые темы накладывалось табу: например, как уже отмечалось, считалось неэтичным обсуждать вражеские налёты в свободной и повседневной манере. Это молчание само является акустическим и социальным феноменом, так как структурирует взаимодействие, формирует невидимые границы дозволенного, производит особый режим публичного присутствия.

Отметим, что среди опрошенных информантов прослеживаются полярные идеологические позиции: часть жителей выражает ориентацию на реинтеграцию

с Украиной, причём это проявлялось именно в выразительном молчании на соответствующий вопрос о том, в какой стране хотелось бы жить, другая часть демонстрирует адаптацию к новым политическим условиям. Значимость каждой из позиций требует дальнейшего изучения, поскольку от неё зависит степень согласованности действий представителей обеих групп и качество их интеграции.

Заметим, что в этом контексте обсуждение политических вопросов остаётся табуированным, а темы о покинувших город родственниках часто не поднимаются, что создаёт ситуацию молчаливого социального напряжения. Важно, что помимо прочего, для части горожан пространство прифронтового города оказалось крайне концентрированным и одиноким, например, когда в подъезде остаётся лишь один пожилой человек, ограниченный рамками своей квартиры с видом на разрушенные здания. Это ещё один тип молчания, которое можно обозначить как вынужденное.

Таким образом, шум, тишина и молчание – одновременно физические явления и социокультурные практики, которые формируют уникальную акустическую и символическую среду прифронтового города. Взаимодействие человека с окружающим пространством и предметами, порождающими звук, оказывает значительное влияние на социальную организацию и психологическое состояние населения.

Пространство, время, шум: система, действующая через тело

Рассмотрев три измерения по отдельности, необходимо вернуться к вопросу об их системном единстве, иначе морфология прифронтового города рискует предстать не более чем суммой трёх независимых неудобств. Ниже показано, как эти измерения работают совместно на конкретных примерах из полевого материала.

Ремень безопасности как точка пересечения трёх измерений. Зафиксированное в полевом дневнике правило – не пристёгиваться в машине – на первый взгляд кажется пространственной практикой (передвижение в городе). Однако оно определяется одновременно тремя факторами. *Пространственно*: разрушенные дороги требуют объездов через дворы, маршрут непредсказуем. *Акустически*: водитель обязан слышать звук БПЛА и успеть покинуть машину – ремень этому мешает. *Темпорально*: реакция должна быть мгновенной, промедление в секунды становится критическим. Непристёгнутый ремень – это не нарушение правил, это телесная адаптация к системному давлению всех трёх режимов одновременно. Если воспользоваться языком де Серто, это тактика в чистом виде, при которой жест, невозможный в пространстве стратегии (мирного города), становится рациональным именно потому, что пространство не принадлежит тому, кто в нём движется.

Ночной обстрел и пожилая женщина без ноги. *«Вчера начали стрелять ночью, а я одна в подъезде. Ноги нет, встать не могу. Укрыться? А куда? Так и просидела всю ночь, вздрагивая»* (жен., 67 лет, местная жительница, пенсионерка).

Этот эпизод обнажает предельную точку, в которой три измерения смыкаются в единый опыт беспомощности. Пространство: укрытие недоступно физически – ни в подвале, ни у соседей. Время: комендантский час исключает помощь извне, ночь длится без возможности что-либо изменить. Шум: артиллерия работает непрерывно, превращая темноту в акустическую пытку. Ни одно из этих измерений не является главным, все они действуют системно, и именно их совпадение в одной точке создаёт ситуацию, которую невозможно разрешить никакой индивидуальной адаптацией.

Тик у ребёнка как диагноз системы. *«У деток моих начался тик. Я сначала не заметила, а потом, когда увидела, что дочка играет, а всю её дёргает, поняла, что надо уезжать. Хотя не знала, как оставить мужа, да и рожать надо было... Но этот тик поставил точку. И мы переехали в село»* (жен., 39 лет, местная жительница, жена священника). Тик как симптом хронического нервного перенапряжения, является здесь прямым продуктом акустического воздействия: постоянные взрывы формируют у ребёнка гиперакузию и рефлекторное вздрагивание. В терминах антрополога Дж. М. Дотри это телесная регистрация хронической «акустической бдительности», которая на физиологическом уровне переходит в патологическую форму [10, р. 92]. Но почему семья не уехала раньше? Потому что пространство «своего» дома удерживало – это место памяти, место идентичности. Потому что временной режим нормализовал происходящее – «привыкли, живём». Именно совпадение акустического давления (тик как физический симптом), пространственной привязанности (дом как якорь) и темпоральной нормализации (время притупляет реакцию) создало ситуацию, в которой семья оставалась в городе дольше, чем могла выдержать. И именно тик у детей как акустически спровоцированный симптом «поставил точку», по выражению матери. В итоге пространственная привязанность и темпоральная инерция оказались слабее телесного сигнала тревоги.

Эти три случая демонстрируют, что пространство, время и шум в прифронтовом городе – это не три разных контекста, а три оси одного и того же режима, действующего через тело. Именно тело, перемещающееся или лишённое возможности переместиться, слышащее или пытающееся не слышать, соблюдающее или нарушающее расписание, является той точкой, где все три измерения сходятся в единый жизненный опыт. Это позволяет конкретизировать понятие гетеротопии применительно к прифронтовому городу и сказать об этом не просто как о «другом пространстве» в фукольдланском смысле, а как о пространстве, в котором тело постоянно пересчитывает своё положение относительно трёх меняющихся координат одновременно.

Заключение

Исследование было построено на предположении, что морфология прифронтового города представляет собой не простую сумму разрушений, ограничений и опасностей, а динамическую систему, в которой пространственные,

временные и акустические факторы взаимно конституируют друг друга. Полевой материал, собранный в Северодонецке, подтверждает это предположение и позволяет его уточнить.

Гетеротопия, которую являет собой прифронтовой город, – не статичное «другое место», а среда, которая перестраивается ежедневно (маршруты меняются с каждым новым обстрелом, ночь наполняется тревожным звуком, а комендантский час лишает возможности найти спасение в укрытии, знакомые места превращаются в места памяти о потерях). Жители не просто «приспосабливаются» к этим изменениям, а непрерывно пересчитывают своё положение в трёхмерной системе координат: *где я нахожусь* (и безопасно ли это место прямо сейчас?), *когда я нахожусь* (и что разрешено в этот час?), *что я слышу* (и что мне нужно сделать в ответ на этот звук?).

Полученные результаты позволяют предложить понятие «режима присутствия» как аналитического инструмента для описания подобных сред. Автор статьи вводит это понятие как рабочую концептуальную рамку, требующую дальнейшей разработки в последующих исследованиях. Обозначим его контуры и операциональные признаки.

Режим присутствия – это конфигурация пространственных, временных и акустических ограничений, которая в каждый момент определяет, что тело может делать, куда оно может двигаться и что оно вынуждено слышать. В отличие от фукольдланской гетеротопии – статичного «другого места» с фиксированными границами и единым центром власти – режим присутствия представляет собой динамическую конфигурацию пространственных, временных и акустических ограничений, которые не синхронизированы между собой и не исходят из единого источника. В прифронтовом городе тело подчиняется одновременно военной комендатуре, топографии разрушений и акустическому полю обстрелов, и эти множественность, противоречивость и изменчивость отличают режим присутствия от классических форм пространственной организации.

Концептуально режим присутствия соотносится, с одной стороны, с де-серторовским различием стратегий и тактик, когда он описывает те структурные условия, в которых тактика является единственно возможным способом действия. С другой стороны, он конкретизирует концепцию акустических территорий Б. Лабелля, где звук не просто формирует территориальность, но является одной из трёх равноправных осей режима, через который проходит тело. Прифронтовой город является крайним, но не исключительным случаем режима присутствия, и по этой причине его изучение открывает возможности для сравнительного анализа других кризисных пространств, например – зон чрезвычайных ситуаций, карантинных территорий, районов активного полицейского контроля. Операциональная разработка понятия, включая его измерение и применение к сравнительным кейсам, составляет задачу последующих работ.

В рамках обозначенного выше режима присутствия жители прифронтового города вырабатывают механизм, который реализуется через четыре взаимосвязанных практики:

- в пространстве – непрерывная навигация в условиях нестабильной карты, где телесный опыт вытесняет цифровые инструменты;
- во времени – происходит синхронизация личного расписания с формальными и неформальными ритмами среды (комендантский час, циклы обстрелов);
- в акустике – развитие слуховой внимательности (умение отличать звуки угрозы, оценивать расстояние источника опасности по интенсивности звукового сигнала, анализировать спектральные искажения);
- в социально сетевой сфере – создание и поддержание горизонтальных связей, компенсирующих дефицит инфраструктуры (соседи как источники информации, волонтеры как медиаторы). Отметим, что социально-сетевой способ играет особую роль, он не только помогает ориентироваться в пространственных, временных и акустических ограничениях, но и создаёт альтернативную инфраструктуру поддержки, компенсируя дефицит формальных институтов.

Полученные результаты позволяют сформулировать ряд практических рекомендаций для организаций, работающих с населением прифронтовых городов, которое от пассивной адаптации могло бы переходить к активной. Во-первых, психосоциальная поддержка должна учитывать акустический аспект тревоги. Программы помощи эффективнее, если они включают работу с конкретными триггерами (звук БПЛА, артиллерийские удары), а не ограничиваются общими техниками снижения стресса. Во-вторых, инфраструктурные меры (ремонт дорог, восстановление коммуникаций) сами по себе недостаточны для снижения тревожности, если они не сопровождаются мерами безопасности и информированием населения о рисках. Здесь особую роль играют и могли бы ещё больше играть волонтерские организации и привлечение самого населения к оповещению, созданию соответствующей коммуникации и снятия напряжения от замалчивания отдельных тем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / М. Калдор ; пер. с англ. А. Апполонова и М. Дондуковского ; ред. А. Смирнов, В. Софронов. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с. ISBN 978-5-93255-417-3.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. Л. Б. Гофмана. М. : Наука, 1991. 572 с. ISBN 5-02-013399-X.
3. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. С. Н. Зенкин. М. : Новое издательство, 2007. 348 с. ISBN 978-5-98379-088-9. EDN QXSOF.
4. Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / М. Хальбвакс ; пер. с фр. А. Т. Бикбова, Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2000. 509 с. ISBN 5-89329-193-X.
5. Лоу С. Пространственное воплощение культуры: этнография пространства и места. М. : Новое литературное обозрение, 2024. 400 с. ISBN 978-5-4448-2200-5.

6. Филиппов А. Ф. Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. В 2 т. Т. 1 / А. Ф. Филиппов ; под общ. ред. С. П. Баньковской. СПб. : Владимир Даль, 2014. 550 с. ISBN 978-5-93615-169-4.
7. De Certeau M. The Practice of Everyday Life. Berkeley : University of California Press, 1984. 229 p. ISBN 978-0-520-23699-8.
8. Graham S. Cities Under Siege: The New Military Urbanism. London : Verso, 2010. 432 p. ISBN 978-1-84467-315-5.
9. Лабелль Б. Акустические территории / Б. Лабелль ; пер. с англ. Д. Шалагинов. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 296 с. ISBN 978-5-4448-1978-4.
10. Daughtry J. M. Listening to War: Sound, Music, Trauma, and Survival in Wartime Iraq. Oxford : Oxford University Press, 2015. 344 p. ISBN 978-0-19-936149-6. DOI [10.1093/acprof:oso/9780199361496.001.0001](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199361496.001.0001).
11. Румянцев С. Книга тишины. Звуковой образ города. М. : Бослен, 2021. 304 с. ISBN 978-5-91922-111-1.
12. Фуко М. Рождение тюрьмы / М. Фуко ; пер. с франц. В. Наумов. М. : «Ад Маргинем Пресс» и Музей современного искусства «Гараж», 2020. 416 с. ISBN 978-5-91103-430-6.
13. Левин К. Динамическая психология: избранные труды / К. Левин ; пер. с англ. Д. А. Леонтьев, Е. Ю. Патяева. М. : Смысл, 2001. 572 с. ISBN 5-89357-092-8.
14. Лефевр А. Производство пространства / А. Лефевр ; пер. с фр. И. К. Стаф. М. : Streike Press, 2015. 432 с. ISBN 978-5-906264-41-1. EDN [TRPTCL](https://edn.trptcl.ru).
15. Балаклеец Н. А. Город как место войны: топологические модели военного города // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. Т. 23, № 80. С. 40–50. DOI [10.37313/2413-9645-2021-23-80-40-50](https://doi.org/10.37313/2413-9645-2021-23-80-40-50). EDN [YFOWGM](https://edn.yfowgm.ru).
16. Стрельникова А. В. «Места памяти» в городском пространстве // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2012. № 2 (82). С. 231–238. EDN [OUJWER](https://edn.oujwer.ru).
17. Агамбен Дж. Открытое. Человек и животное / Дж. Агамбен ; пер. с итал. Б. Скуратов. М. : Ad Marginem Press, 2019. 160 с. ISBN 978-5-908038-07-2.
18. Михайловский А. В. Маятник модерна: дискуссии о технике в Германии. М. : Академический проект, 2024. 272 с. ISBN 978-5-8291-4299-5.

Сведения об авторе

М. А. Подлесная

кандидат социологических наук

ведущий научный сотрудник

SPIN-код: [3556-0353](https://elibrary.ru/spin.php?id=3556-0353)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Характеристики информантов

№№ п/п	Пол	Возраст	Статус
1.	жен	67 лет	местный житель, пенсионерка
2.	жен	54 года	местный житель, безработная
3.	муж	44 года	местный житель, инвалид
4.	жен	52 года	волонтер, куратор смены
5.	жен	54 года	волонтер, куратор волонтерского направления в Северодонецке

Окончание табл. «Приложение»

№№ п/п	Пол	Возраст	Статус
6.	жен	32 года	волонтёр, медработник, куратор смены в Донецке
7.	жен	45 лет	местный житель, парикмахер
8.	муж	65 лет	волонтёр, научный сотрудник
9.	жен	25 лет	волонтёр, инженер
10.	жен	30 лет	волонтёр, переводчик в международной компании
11.	муж	34 года	волонтёр, водитель
12.	жен	39 лет	местный житель, жена священника
13.	муж	41 год	местный житель, строитель
14.	муж	27 лет	военный
15.	жен	72 года	местный житель, пенсионерка
16.	муж	47 лет	местный житель, военный священник
17.	муж	61 год	волонтёр, строитель АЭС
18.	жен	54 года	волонтёр, медработник
19.	муж	32 года	волонтёр, ИТ-специалист
20.	муж	61 год	местный житель, сотрудник местной администрации
21.	муж	74 года	местный житель, пенсионер

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 22.07.2026.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2026.14.3.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.3.8)

MORPHOLOGY OF A FRONTLINE CITY: SPACE, TIME, (RE)MOVEMENT, NOISE

Mariia Alexandrovna Podlesnaia

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia

yamap@yandex.ru,

ORCID [0000-0002-2159-4958](https://orcid.org/0000-0002-2159-4958)

For citation: Podlesnaia M. A. Morphology of a frontline city: space, time, (re)movement, noise. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(3):155–177. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2026.14.3.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.3.8).

Abstract. The author's research analyzes the morphology of a frontline city not as a sum of destruction and limitations, but as a dynamic system in which spatial, temporal, and acoustic factors are mutually constitutive. Based on participant field observation, with elements of an ethnographic approach, conducted in Severodonetsk (October 2025), the article develops the methodological concept of a “presence regime”. The methodology includes participant observation, field diary keeping, photo and video documentation, informal interviews with residents and volunteers (n = 21), and acoustic monitoring. The theoretical framework is built at the intersection of social morphology (M. Halbwachs, E. Durkheim), the concept of spatial production (A. Lefebvre), and the “new military urbanism”

(S. Graham). The presence regime differs from Foucault's heterotopia in its dynamism, the multiplicity of sources of constraints (military commandant's office, the topography of destruction, the acoustic field of threats), and the absence of a single center of power. It correlates with de Certeau's (M. de Certeau) distinction between strategies and tactics, concretizes B. Labelle's concept of acoustic territories, and opens up opportunities for a comparative analysis of other crisis spaces (emergency zones, quarantine territories, etc.). Within the presence regime, residents develop a mechanism for comprehensive adaptation through four interconnected methods (spatial, temporal, acoustic, and social-network). These methods are viewed as passive survival tactics. Based on these, the author of the article has formulated practical recommendations for organizations working with the population of frontline cities, aimed at a gradual transition to active forms of adaptation (acoustic reconnaissance training, the creation of joint maps of safe routes, the development of local warning systems).

Keywords: frontline city, Severodonetsk, social morphology, "presence regime", military conflict, urban space, time regimes, acoustic field, population adaptation, ethnographic method, heterotopia, quality of life in frontline territories

REFERENCES

1. Kaldor M. New and old wars: organized violence in the global age. Translated from English by A. Appolonov and M. Dondukovsky. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2015. 416 p. (In Russ.). ISBN 978-5-93255-417-3.
2. Durkheim E. On the division of social labor: The method of sociology [O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii]. Translated from french by L. B. Hoffmann. Moscow: Nauka; 1990. 572 p. (In Russ.). ISBN 5-02-013399-X.
3. Halbwachs M. Social framework of memory [Sotsial'nye ramki pamyati]. Translated from French and introduced by S. N. Zenkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2007. (In Russ.). ISBN 978-5-98379-088-9.
4. Halbwachs M. Social classes and morphology [Sotsial'nye klassy i morfologiya]. Translated from French by A. T. Bikbova, N. A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; St. Petersburg: Aleteiya; 2000. 506 p. (In Russ.). ISBN 5-89329-193-X.
5. Lowe S. Spatial embodiment of culture: ethnography of space and place. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2024. 400 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4448-2200-5.
6. Filippov A. F. Sociologia: observations, experiences, prospects. Volume 1. Under the general editorship of S. P. Bankovskaya. St. Petersburg: Vladimir Dal'; 2014. 550 p. (In Russ.). ISBN 978-5-93615-169-4.
7. De Certeau M. The practice of everyday life. Berkeley: University of California Press; 1984. 229 p. ISBN 978-0-520-23699-8.
8. Graham S. Cities under siege: the new military urbanism. London: Verso; 2010. 432 p. ISBN 978-1-84467-315-5.
9. Labelle B. Acoustic territories. Translated from English by D. Shalaginov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2023. 296 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4448-1978-4.
10. Daughtry J. M. Listening to war: sound, music, trauma, and survival in wartime Iraq. Oxford: Oxford University Press; 2015. 360 p. ISBN 978-0-19-936149-6. DOI [10.1093/acprof:oso/9780199361496.001.0001](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199361496.001.0001).
11. Rumyantsev S. The book of silence. Sound image of the city. Moscow: Boslen; 2021. 304 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00087-189-8.

12. Foucault M. The birth of prison. Translated from French by V. Naumov. Moscow: Ad Marginem Press, Muzei sovremennogo iskusstva «Garazh»; 2020. 416 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91103-430-6.
13. Levin K. Dynamic psychology: selected works [Dinamicheskaya psikhologiya: izbrannye trudy]. Translated from German and English and scientific edition by D. A. Leontiev, E. Yu. Patyaeva. Moscow: Smysl; 2001. 572 p. (In Russ.). ISBN 5-89357-092-8.
14. Lefebvre A. Production of space. Translated from French by I. K. Staff. Moscow: Streike Press; 2015. 432 p. (In Russ.). ISBN 978-5-906264-41-1.
15. Balakleets N. A. The city as a place of war: topological models of a military city. *News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanities, medical and biological sciences*=*Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. 2021;23(80):40–50. (In Russ.). DOI [10.37313/2413-9645-2021-23-80-40-50](https://doi.org/10.37313/2413-9645-2021-23-80-40-50).
16. Strelnikova A. V. “Places of memory” in urban space. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Philosophy. Sociology. Art Criticism”*=*Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie»*. 2012;(2):231–238. (In Russ.).
17. Agamben G. The open. Man and animal. Translated from Italian and German by B. Skuratov. Moscow: Ad Marginem Press; 2019. (In Russ.). ISBN 978-5-908038-07-2.
18. Mikhailovsky A. V. The pendulum of modernity: discussions on technology in Germany. Moscow: Akademicheskij proekt; 2024. 272 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8291-4299-5.

Information about the Author

M. A. Podlesnaia

Candidate of Sociology

Leading Researcher

ResearcherID: [R-8140-2019](https://orcid.org/0009-0001-8140-2019)

Scopus AuthorID: [56528484500](https://orcid.org/0009-0001-8140-2019)

The article was submitted 15.04.2026; approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 22.07.2026.